

In fact, the situation in the Donbas is developing according to the Transdnistria scenario. This is evidenced by the proclamation of the new state formations – the DNR and the LNR, the establishment of their militia that went to war with the “Kiev junta” with the active support of the Russian Federation, conduction of the referendum and elections to the supreme authorities in the republics.

The “Transdnistria trends” currently dominate that are fraught with separation of the DNR/the LNR from Ukraine after the Crimea. A more desirable for our country is the “Chechen scenario”, the meaning of which is to preserve the territorial integrity at the expansion of the powers of local authorities. The process of “pacification”, so necessary for the social and spiritual health of the nation will be more effective as earlier it starts. The specific forms of the postwar country can be discussed; the main thing is that this debate will take place, that our leaders will not lose the ability to light this notorious “pipe of peace”.

Keywords: Ukraine, Donbass, conflict, pacification, Transdnistria, Chechnya, strategy.

УДК 316.37

ПАЛАГУТА В.И.

професор, доктор философских наук,
заведующий кафедрой инженерной педагогики
Национальной Металлургической академии Украины (г. Днепропетровск, Украина)
e-mail: palaguta@ua.fm

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Аннотация

В статье рассматривается формирование коллективной идентичности в контексте выявления и изучения базовых характеристик дискурсивных пространств – силового воздействия, позиционности, диспозиции, иерархичности, задающих социальную позицию в них субъекта. На основе концепции габитуса П. Бурдьё исследуются онтологические основания социально-дискурсивных полей. Решение вопроса – какова «природа» идентичности субъекта – коллективная или индивидуальная в данном концептуальном контексте демонстрирует её глубокую коллективистскую основу. Вместе с тем, само понятие идентичность не может в полной мере удовлетворять требованиям полноценного социального анализа и ориентирует на поиск новых концептуальных решений данного вопроса.

Ключевые слова: коллективная и индивидуальная идентичность, социально-дискурсивные пространства и поля, силовое воздействие, позиционность, диспозиция, иерархичность, габитус.

Современные бурные, стремительные и достаточно противоречивые социально-политические, социально-экономические и социально-этнические события в Украине как никогда заостряют проблему изучения условий и факторов формирования коллективной, прежде всего, национальной, идентичности среднестатистического украинского гражданина. Вопросы, которые очень многие граждане Украины сейчас себе задают, а именно: «Кто я?» по своей национальной, культурной, языковой принадлежности, или «К какой коллективной этнической общности я себя отношу?», «Как она сочетается с моей индивидуальностью, с историей и традициями моей семьи, моего рода и моими языковыми практиками?» становятся сейчас весьма злободневными. Они сейчас поднимаются не только в среде политиков, политтехнологов и масс-медиа, но и становятся предметом всестороннего изучения со стороны украинских учёных – обществоведов и гуманитариев. Следует признать, что эти и многие другие подобного рода вопросы требуют серьёзного междисциплинарного анализа и аналитически взвешенных ответов, ибо в ответах на них содержится ключ к объяснению целого ряда социально-политических, гуманитарных, межнациональных, межгосударственных проблем, до предела обострившихся в последнее время в Украине.

Так, в современной Украине основная направленность так называемого долгосрочного национального строительства ориентировано на создание цельной, монолитной нации с одним национальным языком – украинским, единой национальной украинской культурой, традициями и единой идентичностью. Но эта направленность существенно отличается от практики национального строительства, принятой в Европейском союзе, куда стремится со временем присоединиться и

Україна. Там принята довгосрочна програма створення *єдиної* європейської національної ідентичності на політичній і економічній основі. Основними принципами створення нового загальноєвропейського державства є федералізм і регіоналізм, децентралізація, багатомовність, і, як наслідок, прийняття множинності колективних ідентичностей.

Вместе с тем, если рассматривать два полюса человеческой идентификации – индивидуальная и коллективная, по субъектам в своей массе свойственна групповая или коллективная идентификация, ориентация на групповой или коллективный образец, подражание групповому поведению. А нации и государства представляют собой группы самой высокой степени иерархии, являясь основным источником формирования коллективных идентичностей, как правило, заимствованных субъектами бессознательным образом.

Поэтому, как никогда становится актуальным исследование механизмов формирования коллективной идентичности, их взаимосвязи с процессами идентификации и самоидентификации субъекта, изучение противоречий и неоднородностей коллективной идентичности. Сейчас ставится под вопрос существование индивидуальной идентичности как своего рода гипостазированной сущности, производной от западного понятия «самости» субъекта, благодаря чему возникло множество мнимых, надуманных, «фантомных» идентичностей. Известный американский социальный мыслитель Р. Брубейкер в этой связи отмечает: «Если идентичность находится везде, то её нет нигде» [1, с.62]. По мере их увеличения сам термин идентичность начинает утрачивать свою исследовательско-аналитическую значимость. Более того, они вроде бы мало чего имеют общего с реальным процессом самоидентификации субъекта, изначально имеющего коллективистскую, а не индивидуалистическую основу. В этой связи возникает ряд проблемных вопросов, которым Р. Брубейкер дал точную формулировку: «Если идентичность текуча, то, как понять, каким образом самопонимания крепнут, твердеют и кристаллизируются? Если она множественна, то, как понять ту ужасную единичность и единственность, которой часто жаждут и иногда достигают политики, желающие превратить простые категории в унитарные и исключаящие группы? Как мы можем понять силу и пафос политики идентичности?» [1, с.62].

Если обратиться к процессу субъективной самоидентификации, то, действительно, форма вопрошания субъекта о самом себе наглядно свидетельствует о непрерывно совершаемом, смыслобжителінім по своему содержанию, акте субъективного самоуверения, основа которого заключается в ключевом вопросе: «Откуда и куда я?». Данный акт самоуверения является одним из основных индикаторов идентификации человеком самого себя в обществе, и осуществляется он в форме речевого вопрошания о своей идентичности, вопрос к самому себе и к миру, что наглядно демонстрирует роль дискурса как *базисной структуры самоопределения* субъекта. Поэтому, дискурс как особого рода речевая структура имеет власть над субъектами благодаря неотъемлемой потребности человека к самовопрошанию и, как следствие, самоименованию и, тем самым, установлению своего места или позиции в том или ином поле социальной реальности. Тем самым, характеристика *силового воздействия дискурса* априорно предполагается *непрерывное*, подчас скрытое, но как правило откровенно явное, навязывание посредством дискурса того или иного комплексного представления или ментального картографирования со стороны различного рода создателей дискурсов – политиков, идеологов, политологов, политтехнологов, журналистов, телеведущих или каких-либо коллективных общностей. Они непосредственно и занимаются «*производством*» дискурсов, что предполагает социальные отношения доминирования, манипуляции и подчинения субъектов той или иной социальной группе, восприятию формируемых ими представлений и практических схем действия.

Известный представитель критического дискурс-анализа (КДИ) Тён ван Дейк в одной из последних своих работ замечает, что «властвовать означает сегодня обладать не столько аппаратом принуждения, сколько возможностью определять (описывать, объяснять, прогнозировать, конструировать) текущую ситуацию в обществе, формулируя критерии объективности, непредвзятости, авторитетности, правдивости и истинности» [2, с.8]. Одна из ключевых характеристик дискурса – *позиционность* задаёт структуру социального пространства через распределение (перераспределение) относительных (реляционных) позиций и, тем самым, конкретизирует социальное отношение как отношение устанавливаемого порядка и предписанных или оговоренных правил следования ему со стороны субъектов, лишая их тем самым возможности и права возможности выбора. А характеристика *диспозиции* акцентирует внимание на занятии субъектом определенного места или позиции, которые проявляются через антагонистические и гегемонические взаимодействия в дискурсивных полях, что, в конечном счете, и является одной из подоснов всей системы структурирующихся и подвергающихся осмыслению со стороны субъектов

силовых или властных отношений. Уже упоминаемый нами ранее голландский учёный замечает, что «мы не поймём, как социальные ситуации или социальные структуры вторгаются в текст и речь, если не поймём, как люди интерпретируют и репрезентируют эти социальные условия в рамках особых ментальных моделей – *контекстных моделей*. То же справедливо в отношении «эффектов» дискурса, оказываемых на людей, – влияния, которое должно быть описано в терминах ментальных репрезентаций» [2, с.15].

Во многом формирование контекстных моделей определяет онтологическая характеристика *субординации или иерархичности*, которая фиксирует публичное установление, т. е. легитимизацию и дальнейшее воспроизводство субъективных позиций в границах социально-дискурсивных полей, что в полной мере соответствует пониманию дискурса как вместилища множества мест или позиций, где непрерывно осуществляются процессы самоидентификации субъектов.

Рассмотрение характеристик дискурсивных полей, в которых осуществляется самоидентификация субъекта, зиждется на том методологическом допущении, что дискурс можно определить как своего рода *материальную основу* практик социального конструирования реальности, где лейтмотивом и руководящим принципом является известное изречение Ж. Деррида «Всё есть дискурс». Иначе говоря, под дискурсивными полями понимается совокупность социальных практик, в границах которых конструируется весь спектр значений и смыслов социальной реальности, в том числе и кажущиеся, на первый взгляд, не дискурсивными – макросоциальные образования. К примеру, такие неотъемлемые компоненты общества как социальные институты, социально-политические и социально-экономические процессы и т. д. Все они сконструированы посредством дискурсивных пространственных практик, формирующихся в дискурсивные системы.

Другое дело, что выявить «след» дискурса в различных макросоциальных образованиях бывает подчас весьма и весьма затруднительно, ибо он «упакован» в целый ряд опосредований или промежуточных звеньев. Но так или иначе, конструируемые дискурсом социальные структуры рассматриваются сквозь призму отождествления субъекта и коллективной общности, что позволяет рассматривать данные структуры как поля приобретения субъектом своей идентичности, которая выявляет её содержание через специфические дискурсивные *индексы*, отсылающие к социальным позициям действующих в определенных местах или позициях субъектов.

Поэтому, *социальная позиция* субъекта (определяемая, прежде всего такими характеристиками-показателями как *силовое воздействие дискурса, позиционность, диспозиционность, субординация или иерархичность* задается здесь как тождественная специфическому топосу высказывания, т.е. совокупностью условий и правил функционирования дискурсивных практик в том или ином социальном поле. Определение социального существования субъекта как существования-В-позиции в данном контексте означает, что никто из субъектов, существующих в социальной реальности, не может говорить всё «что угодно» и «как угодно», если, конечно, не брать крайних экстремальных случаев. Поэтому имеет смысл рассмотреть онтологическую основу социально- дискурсивных полей, определяющих идентификационные матрицы и ответить на вопрос – какой «природы» являются эти идентификационные матрицы – индивидуальной или коллективной?

Прежде всего, обратимся к рассмотрению характеристики *силового воздействия или силовой «природы» дискурса* и выстраиваемых на его основе социальных отношений. Данная характеристика изначально предполагает непрерывное навязывание властью ментальных моделей, представлений и установок субъектам, что позволяет управлять их будущими действиями. Действительно, данная характеристика является одной из ключевых для процессов самоидентификации субъектов, она демонстрирует условия и возможности конституирования идентификационных матриц субъективности.

Если обратиться к генетическому структурализму П. Бурдьё, то он в своей основе восходит к лейбницеvской трактовке пространственности, –*перспективизму*, который и сформировал представления французского социального теоретика о социальном пространстве как формы, выражающей определенные *силовые отношения*. Феномен социальной пространственности проявляет свое воздействие через складывающиеся конфигурации силы, которая конституирует сегменты или поля социального пространства и определяет диспозиции или силовой баланс между субъектами социального взаимодействия.

Здесь не существует никакого «абсолютного» социального пространства, экстраполированного последователями субстанционализма на исследование в качестве самостоятельной и независимой от опытной реальности формы социального бытия. Напротив, в концепции П. Бурдьё социальное пространство конституируется каждый раз заново с учетом постоянно изменяющейся структуры позиций участников социального взаимодействия, указующих на их диспозиции. Иначе говоря, у П.

Бурдьє конституирование социального пространства ни в коем случае не руководствуется архитектурой физического пространства, т. е. французский социальный мыслитель не руководствуется принципом так называемого опространствливания социальной реальности, а ищет какую-то другую основу. В его теоретических построениях социальная реальность рассматривается как многомерная и многоуровневая, построенная по принципу дифференциации, распределения и перераспределения действующих сил в социальных полях. А наиболее характерно для М. Бурдьє то, что «в той мере, в какой свойства, выбранные для построения социального пространства являются активными его свойствами, можно описать это пространство как поле сил, которые *навязываются* всем входящим в это поле и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям» [3, с.56]. Тем самым, П. Бурдьє констатирует *силовую природу* социального пространства и его полей, практически ничего не имеющего общего с геометризованным или физическим пространством Рене Декарта и Исаака Ньютона. Пространство сил в подобной мыслительной перспективе нельзя редуцировать к визуально представленной диспозиции агентов социальной реальности подобно объектам физического мира.

Вместе с тем, сила как таковая не имеет самостоятельного существования, а всегда обозначает наличные свойства социальной структуры, складывающейся в процессе функционирования *многочисленных полей* социального пространства. При этом множество вложений или активных свойств, а в терминологии П. Бурдьє «капиталов», дают его обладателю власть и влияние в иерархизированных полях социального пространства, что является по существу *непосредственным* проявлением конфигурации силы. Сила конституируется посредством постоянно производимых и воспроизводимых практик и представлений индивидов в различных полях социального пространства. Объясняя свое представление о социальном пространстве, П. Бурдьє определяет его « \diamond и как поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующих таким образом в сохранении или трансформации структуры этих позиций» [4, с.15-16].

Иначе говоря, *в силу* того, что каждое поле социального пространства едино и одно, меняются лишь различные состояния одного и того же поля. А *в силу* того, что поле как ансамбль отношений нельзя разделить на части, для его описания невозможно корректно использовать субстанциальные понятия, о чем уже говорилось ранее. Поэтому, субъекты, понимаемые как агенты социального взаимодействия, будь-то индивидуальные или коллективные, по своей форме не могут считаться самостоятельными источниками конструирования поля и социального пространства в целом, поскольку конституирующие его структуры предпосланы этим субъектам как необходимые условия и предпосылки их практик и представлений. Тем самым, одной из характеристик концепции социального пространства и его полей П. Бурдьє явилось положение о двойном социальном структурировании [3, с.14-48; 64-96; 179-219], что легло в основание разработки концепта *габитуса*. Можно утверждать, что в концепции П. Бурдьє единственным по-настоящему самостоятельно изменяющимся предметом социально-философского и социологического исследования является именно социальное пространство, поскольку оно выступает как ансамбль социальных полей и структур, обуславливающих все социальные явления. Все социальные феномены лишь взаимодействуют друг с другом при его деятельном участии, соответственно изменяя свое положение в системе социальных позиций. И как уже говорилось ранее, поля социального пространства не являются только лишь конфигурационным пространством вместилища индивидуальных или коллективных агентов, а дополняется постоянно действующими в них и *изменяющимися силовыми балансами и потенциалами*.

Их сущность заключается в том, что социальная реальность структурирована генерирующим действием полей социального пространства, определяющих социальные отношения и места субъектов. Эти социальные отношения определяются в соответствии с вложенными субъектами в *эти поля своего «капитала»* или силового воздействия, а, с другой стороны, представлениями субъектов о социальных структурах, оказывающих эффект обратного воздействия на первичное структурирование. В конечном итоге, именно *социальные структуры* являются целью практик и представлений индивидуальных и коллективных субъектов, которые *эти социальные структуры*, аккумулирующиеся в социальных полях, могут определенным образом контролировать, т. е. подавлять или стимулировать их развитие.

Таким образом, *социальные поля* обуславливают практики и представления субъектов, а те, в свою очередь, *непрерывно* производят социальные практики субъектов, и, тем самым, воспроизводят или преобразуют социальные структуры. Здесь обусловленность практик и представлений субъектов полями социального пространства и реализуется, и поддерживается именно через их производство и

воспроизводство самими субъектами. У П. Бурдьё одним из основных является то положение, что субъекты всегда осуществляют свои практики в предопределенных для них заранее социальных структурах, формируемых социальными полями. Социальные структуры являются, в свою очередь, необходимыми условиями и предпосылками любых типов социальных практик.

Поэтому, субъекты как бы «заклочены» в уже существующие в социальных полях структуры и, тем самым, «обречены» либо на их репродукцию, либо на трансформацию, – третьего не дано. Тем самым, активность субъектов в производстве или воспроизводстве социальной реальности предопределена воздействиями структур социальных полей. Эти структуры интериоризированы в виде практических схем, социальных представлений, поэтому в превращенной форме они отражают конфигурацию социальных сил и место в них конкретного субъекта. Подобное положение расставляет акценты в концепции двойного структурирования, а именно: субъективное структурирование социальной реальности есть раз и навсегда ведомый, подчиненный элемент объективного структурирования. П. Бурдьё здесь себе не изменяет и придерживается идеи, что *вся* социальная реальность изначально целостна и *структурирована*. Данное обстоятельство нашло свое выражение, как уже говорилось ранее, в разработке французским социальным теоретиком концепта габитус, которое изначально является *матрицей коллективной идентичности*.

Стоит обратиться к определению габитуса у П. Бурдьё: «Детерминации, связанные с особым классом условий существования, производят *габитусы* – системы устойчивых и переносимых *диспозиций*, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры. То есть как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые, хотя и могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непрременное овладение необходимыми операциями по ее достижению»[5]. «Габитус, – уточняет П. Бурдьё в другой своей работе, – поддерживает с социальным миром, продуктом которого является, настоящее *онтологическое соучастие*, принцип знания без сознания, интенциональности без интенции и практического освоения закономерностей мира, который позволяет предвосхищать будущее, даже не нуждаясь в том, чтобы полагать его как таковое» [6, с.34].

Если руководствоваться данным определением габитуса П. Бурдьё, то это значит, что прошлый опыт субъекта априорно присутствует в настоящем, он как бы «упакован», но не в форме неких абстрактных структур или идей, а в форме считающихся универсальными схем восприятия, мышления и действия. Последние «оживают» в системе взаимодействия и взаимообмена между субъектами в форме инсценирования и исполнения перформативных речевых актов, конструирования субъективных и коллективных дискурсов в определенных социальных полях.

Эти схемы во многом и позволяют удерживать определенные социальные поля от распада. Таким образом, «габитус как приобретенная система порождающих схем, – отмечает М. Бурдьё, – делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особенным условиям производства данного габитуса и только им»[5]. Поэтому, имеет место диалектическое соединение внешней и внутренней, коллективной и индивидуальной идентификации, что «дает возможность внешним силам реализоваться в соответствии со специфической логикой организмов, в которых они инкорпорированы, т. е. устойчивым, систематическим и не механическим образом» [5].

Более того, габитус призван давать множество ответов на различные встречающиеся ситуации субъектов, исходя из ограниченной совокупности уже имеющихся схем действия и мышления. Тем не менее, габитус воспроизводится не только тогда, когда сталкивается с привычными ситуациями, но и при встрече с незнакомыми ситуациями он оказывается способен к субъективным инновациям, вследствие того, что специфическим образом комбинирует в себе определенное разнообразие социальных опытов.

Об этом говорил Ф. Коркюф, выделяя в структуре габитуса как основы самоидентификации субъекта наравне с более или менее константной идентичностью – самостью, отвечающей на вопрос «Что я?» также и идентичность – тожесть, отвечающую на вопрос «Кто я?», а также моменты становления – субъективации [7, с.255-256]. А если это так, то социально-дискурсивное поле имеет несколько иную «природу» и внутренние структуры, являющиеся необходимыми условиями различного рода индивидуальных и коллективных дискурсивных актов (само)идентификации, и производных от них мысленных схем и представлений субъектов, направляющих, в одних случаях, их непосредственные взаимодействия по определенному «руслу», а в других – определяющих *новое «русло»*. При этом базисной или исходной является коллективная идентичность, но допускается её переформирование или формирование новой коллективной идентичности. Тем самым, можно с

некоторыми допущениями утверждать, что как таковой индивидуальной идентичности в «чистом виде» не существует, субъект уже изначально идентифицирует себя с той или иной наперёд заданной, уже как бы для него предуготованной группой или коллективом, которые и определяют его коллективную идентичность. Но это на первый взгляд, и как писал Р. Брубейкер: «Концептуальное осмысление всех сходств и присоединений, всех форм принадлежности, всякого опыта восприятия общности, связанности и сплочённости, всех самопониманий и самоидентификаций с помощью идиомы идентичности навязывает нам грубый, плоский, недифференцированный словарь» [1, с.62]. Поэтому, само понятие «идентичность» ввиду его действительной и мнимой многозначности не может в полной мере удовлетворять требованиям для полноценного и значимого социально-философского анализа механизмов формирования коллективной идентичности, для исследования соотношения коллективной и индивидуальной идентичности субъекта. Этот вывод ориентирует социально-гуманитарных исследователей к поиску новых концептуальных решений данной достаточно сложной проблемы. К тому же, отдельного рассмотрения заслуживает вопрос приемлемости применения понятия «идентичность» для социально-философского исследования механизмов самоидентификации человека как *коллективного и говорящего* субъекта в социально-дискурсивных полях. Решение этого вопроса позволит осмыслить всю многомерность рассматриваемой проблемы и позволит создать условия для отхода от одномерности политики идентичности, навязанной группами влияния в Украине, концентрирующими в своих руках всю полноту власти.

Отдельного, комплексного исследования заслуживает изучение условий и механизмов формирования такого типа коллективной идентичности как национальная, по поводу которой в Украине в последнее время возникло очень много спекуляций и поверхностных точек зрения. В самом деле, *как сейчас* формируется такой тип идентичности у субъекта, как соотносится этот тип с идентичностью по родству или предкам, с этнической идентичностью, с государственной идентичностью (идентичностью по гражданству или подданству). Тем более, в современную эпоху глобализации возникают, или приобретают новое значение и статус такие типы коллективной идентичности как религиозная, цивилизационная, гендерная, фанатская, интернетная коллективная идентичность. Открытым в социально-гуманитарной науке остаётся и вопрос, какой подход в наибольшей степени будет способствовать эффективности исследования механизмов формирования национальной идентичности – примордиальный (органицизм, почвенность, кровное родство), модернистский (ориентация на монолит политической нации и гражданственность) или постмодернистский (конструктивизм), где нация рассматривается как воображаемое сообщество.

Список ссылок

1. Брубейкер Р. Этничность без групп [Текст] / Р. Брубейкер; пер. с англ. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
2. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации [Текст] / Т. А. ван Дейк; пер. с англ. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013.– 344 с.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства [Текст] / П.Бурдьё; пер. с фр. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с.
4. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов [Текст] / П.Бурдьё; пер. с фр. // Социология социального пространства, – СПб.: Издательство «Алетейя», 2005. – С. 14-48.
5. Бурдьё П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] / П.Бурдьё; пер. с фр. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т.1. – № 2. <http://www.soc.pu.ru:8101/publications/jssa/1998/1/home.html>.
6. Бурдьё П. Начала [Текст] / П.Бурдьё; пер. с фр. - М: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
7. Коркюф Ф. Коллективное в споре с единичным: отталкиваясь от габитуса [Текст] / Ф.Коркюф; пер. с фр. // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института Социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 251-280.

References

1. Brubeyker R. Etnichnost' bez grupp [Tekst] / R. Brubeyker; per. s angl. – М.: Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. – 408 s.
2. Deyk van T. A. Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Tekst] / T. A. van Deyk; per. s angl. – М.: Knizhnyy dom « Librokom», 2013.– 344s.

3. Burd'yo P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Tekst] / P.Burd'yo; per. s fr. - M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; SPb.: Aleteyya, 2005. – 288 s.
4. Burd'yo P. Sotsial'noye prostranstvo i genezis klassov [Tekst] / P.Burd'yo; per s fr. // Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva, - SPb.: Izdatel'stvo «Aleteyya», 2005. - S. 14-48.
5. Burd'yo P. Struktura, gabitus, praktika [Elektronnyy resurs] / P.Burd'yo; per. s fr. // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. - 1998. - T.1. - № 2. <http://www.soc.pu.ru:8101/publications/jssa/1998/1/home.html>.
6. Burd'yo P. Nachala [Tekst] / P.Burd'yo; per s fr. - M: Socio-Logos, 1994. – 288 s/
7. Korkyuf F. Kollektivnoye v spore s yedinichnym: ottalkivayas' ot gabitusa [Tekst] / F.Korkyuf; per. s fr. // Sotsioanaliz P'yera Burd'ye. Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta Sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk. – M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii; SPb.: Aleteyya, 2001. – S. 251-280.

ПАЛАГУТА В.І.

професор, доктор філософських наук,
завідувач кафедри інженерної педагогіки
Національної металургійної академії України (м. Дніпропетровськ, Україна)
e-mail: palaguta@ua.fm

ПРОБЛЕМА ФОРМУВАННЯ КОЛЕКТИВНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ У ДИСКУРСИВНИХ ПРОСТОРАХ

Анотація

У статті розглядається формування колективної ідентичності в контексті виявлення і вивчення базових характеристик дискурсивних просторів - силової дії, позиційності, диспозиції, ієрархічності, які задають соціальну позицію в них суб'єкта. На основі концепції габітуса П. Бурдьє досліджуються онтологічні підстави соціально-дискурсивних полів. Вирішення питання – яка "природа" ідентичності суб'єкта – колективна або індивідуальна в цьому концептуальному контексті демонструє її глибоку колективістську основу. В той же час, саме поняття ідентичність не може повною мірою задовольняти вимогам повноцінного соціального аналізу і орієнтує на пошук нових концептуальних вирішень цього питання.

Ключові слова: колективна і індивідуальна ідентичність, соціально- дискурсивні простори та поля, силова дія, позиційність, диспозиція, ієрархічність, габітус.

PALAGUTA V.

Honored Doctor of Philosophy, Professor,
Head of Engineering Pedagogy Department of
National Metallurgical Academy of Ukraine (Dnepropetrovsk, Ukraine)
e-mail: palaguta@ua.fm

A PROBLEM OF FORMING OF COLLECTIVE IDENTITY IS IN DISCURSIVE SPACES

Summary

The article explains the importance of research interest in the problem forming of collective identity, which is much more complicated while one's referring to the study of the multiple subjects' self-identification and collective identification real processes in a particular social group. After the famous American social thinker R. Brubaker, the author considers that the self-identity and collective identity processes cannot be reduced to the ready identities of various kinds, such as "Self", "Me" - for the individual identity, or professional, confessional, ethnic, national, civic identity - for the collective identification.

There is no usual natural scientific correlation between the result and the process, between the final product and the resources complex as well as there is no mechanical transfer of group characteristics on the subject's identification process, and also there is no formal subject's initiation to the collective identity in the subjective self-identity and collective identity study.

The author focused on the study of the question of individual identification and excluded any consideration of ready identities. The latter are usually ideological cliché intended to disorient and to

impose imaginary, "phantom" identity to the subject. The main feature of individual identity is the ability to name and certify one's self through the discourse as a special kind of speech structure and, thus, to establish its place or position in a particular field of social reality. But this place is not guaranteed to the subject. It is extremely difficult for the subject to determine it, especially the continuous, sometimes invisible, but usually frankly explicit imposition of any complex representation or mental mapping by the discourse is antecedent supposed. This feature is called "a force effect of discourse" and associated with a particular field of social space. The related discourse and its fields characteristics is positionality which defines the structure of social space through the distribution (redistribution) of relative (relational) positions and thus specifies the social relation as the relation of the installed order and prescribed or defined rules of the follow him by the subjects, thus depriving them a possibility and the right of possibility of choice. A characteristics of disposition focuses on a particular subject's place or positions that are manifested through hegemonic and antagonistic interactions in the discursive fields that is, in the end, one the whole system's real cause of the force or power relation being structured and comprehended by the subjects .structuring and understanding suffer from subjects of power or power relations . Another important characteristic is the hierarchy that captures the public establishment, i. e. legitimization and further reproduction of subject positions within the boundaries of social and discursive fields that is fully consistent with the understanding of discourse as a container of multiple locations or positions where the processes of self-identification are continually carried out.

Consideration of the characteristics of discursive fields where a self-identification is performed rests on the methodological assumption that discourse can be defined as a kind of a social reality construction material practices base, where the leitmotif and guiding principle is a well-known Derrida's adage "Everything's discourse." In other words, discursive fields are understood as a set of social practices where the whole range of values and meanings of social reality is constructed.

At the same time, the force as such has no independent existence, and always refers to the properties of available social structure folding in the process of functioning of numerous fields of social space. Wherein the plurality of attachments or active properties, and in P. Bourdieu's terminology "the capitals", - gives the holder the power and influence in the hierarchic fields of social space, which is essentially a direct manifestation of the configuration of power. A force is constituted by constantly produced and reproduced practices and perceptions of individuals in various fields of social space. Taking this position, Bourdieu had proposed the concept of habitus, as a kind of collective identity matrix.

According to the concept of habitus the past experience of the subject is a priori in the present, he seems to be "packed", but not in the form of some abstract ideas or structures, and in the form considered universal schemes of perception, thought and action. The latter "come alive" in the system of interaction and exchange between actors in the form of performance and dramatizing and performative speech acts representation, constructing subjective and collective discourses in certain social fields. Therefore, there is a dialectical connection of external and internal, collective and individual identity. The issue - what is the "nature" of individual identity of the subject in this conceptual context demonstrates its deep collectivist basis.

At the same time, the concept of subjective identity, as well as collective identity cannot fully meet the requirements of a full-fledged social analysis and focuses on the search for new conceptual solutions of this issue.

Keywords: collective and individual identity, social and discursive spaces and fields, force impact, position, disposition, hierarchy, habitus.